

М. В. Созинова

кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mari-sozinova@yandex.ru

А. А. Мельникова

доктор культурологии, профессор

Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: 88alla88@mail.ru

А. А. Дмитриева

доктор искусствоведения, доцент

Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: annadmi@mail.ru

А. В. Успенская

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: uspenskaja@rambler.ru

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

В настоящий момент наша страна находится в специфической ситуации: существовавший долгое время курс на встраивание различных российских социокультурных институтов в соответствующие западные системы, ориентацию их работы на западные нормы и стандарты теперь подвергается сомнению. Такой поворот актуализирует поиск собственного пути, собственных идей и решений, для которых логичной опорой станут наши собственные культурно-исторические практики. Соответственно данная ситуация обращает исследователей к теме культурного трансфера, причем не в классической его форме, при которой происходит перенос элементов одной культуры в другую, а трансгенерационной – передача от предков к потомкам. При этом необходимо вначале рассмотреть присущие нашей социальной сфере (в частности, сфере социальной помощи) в настоящий момент особенности, определить проблемные зоны, а затем – направление культурного трансфера практик. В качестве такого направления в статье предлагается деятельность по организации территориально-культурных сообществ.

Ключевые слова: культурный трансфер, трансгенерационный культурный трансфер, социальная сфера, традиции русской культуры, ресурсы культуры, территориально-культурное сообщество

Для цитирования: Созинова, М. В. Культурный трансфер в социальной сфере: российская специфика / М. В. Созинова, А. А. Мельникова, А. А. Дмитриева, А. В. Успенская // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 1 (73). – С. 54–61.

Цивилизационная динамика фиксируется как все более ускоряющийся процесс – если в доиндустриальный период смена ценностей, культурных и экономических нормативов, жизненных ориентаций человека, структуры социальных институтов происходила крайне медленно, то затем, с наступлением индустриализации, динамика изменений в социокультурной сфере начала постепенно нарастать, а в настоящий момент приобрела стремительный характер [3]. В этом контексте социальная сфера также предстает перед исследователями как динамичная, меняющаяся и развивающаяся со-

циальная система, влияющая на стабильность, благополучие общества. При этом существует насущная потребность осмыслить современную специфику данной сферы, особенно ее нового социального института – института социальных услуг.

В то же время длительный период вестернизации способствовал внедрению в нашу социальную систему (в том числе в социальные услуги) наработок, которые возникли в рамках других культур [10], т. е. осуществлялся межкультурный трансфер. Однако возникает вопрос – а полностью ли используется ресурс

опоры именно на наши традиционные культурные практики [1], на трансгенерационный (от поколения к поколению) культурный трансфер?

Что касается определения термина, то *культурный трансфер* – это динамический билатеральный процесс, охватывающий как интер-, так и интракультурные взаимосвязи, соединяющий три компонента – 1) исходную культуру, 2) инстанцию-посредника (субъекты, артефакты, социальные институты и пр.), 3) целевую культуру – и состоящий из следующих фаз: процессы отбора, передачи и рецепции. При изучении процессов культурного трансфера в принимающую (целевую) культуру в центре исследовательского внимания «находятся как способы отбора, так и формы усвоения и виды продуктивной рецепции (формы культурной адаптации, формы творческой адаптации, подражания). Проблематика концепта КТ направлена таким образом не на рецепцию культурных элементов *исходной культуры в целевой культуре...* а на их встраивание в новую культурную систему с учетом возможной трансформации в процессе реализации трансфера» [5, с. 24].

Обращаясь к феномену культурного трансфера, отметим, что его осмысление возникло относительно недавно – сам термин был введен М. Эспанем в 1980-х гг. Изначально в центре научных интересов этого французского ученого была история обмена знаниями между Францией и Германией в XIX в., однако впоследствии он стал также говорить о значимости изучения специфики культурного трансфера в контексте процессов колонизации. По его мнению, это особенно важно для понимания истории колониализма как длительного процесса взаимовлияния, а не одностороннего подавления [15]. Ставя исследовательскую задачу изучить, как Франция повлияла на Вьетнам или Англия – на Бирму, ученые, по его мнению, сужают рамки рассмотрения всей многогранности процесса взаимовлияния культур, т. е. в рамках культурных трансферов Эспань предлагает переосмыслить отношения между центром и периферией, входящей и исходящей сторонами, а также между влиянием и властью.

Таким образом, культурный трансфер включает в себя исследование того, как из одной культуры в другую происходит перенос эле-

ментов (традиций, национальных блюд, праздников, социальных норм и пр.), а также, как эти элементы трансформируются в принимающей культуре. Сторонники изучения культурных трансферов предлагают концентрироваться при сравнительных исследованиях культур не только на поиске их различий и сходств, но и на изучении форм культурного смешения, взаимопроникновения и гибридизации.

При этом, хотя в общем плане речь при осмыслении культурного трансфера идет о культуре, основные разработки данной тематики ведут иностранные [17; 18] и российские [4; 5; 13] филологи, а также историки культуры [2; 12]. Однако и те, и другие изучают особенности межкультурного трансфера, в то время как за пределами исследовательского интереса оказывается тема культурного трансфера внутри одной культуры. По умолчанию предполагается, что внутрикультурные процессы протекают естественным образом, что-то из элементов отмирает, что-то трансформируется, и этот процесс удостоился пристального внимания разве что историков культуры. При этом в нашей стране есть определенная особенность – революция, отменяя всё «старое», порой уничтожала и социально полезные практики, полагая, что социалистическая жизнь создаст свои, более ей подходящие. За социалистическим периодом последовал период, когда наша страна старалась встроиться в Западный мир. Данный процесс происходил в период глобализации, которая привела к усилению культурной экспансии из стран, наиболее активно использующих средства массовой информации и коммуникации. Происходил культурный трансфер – перенос элементов одной культуры в другую. Экономика, образование (Болонский процесс как ориентир), культурные практики – всё в той или иной степени перестраивалось, причем эта перестройка осуществлялась на «западных» принципах и основах. Соответственно собственные дореволюционные культурные традиции, выглядящие уже архаично, совершенно не рассматривались как что-то значимое, а тем более – достойное трансформационного встраивания в новую российскую реальность.

В настоящий же момент мы стоим на пороге изменений – ориентация на западную

культуру, вестернизация России отменяется. Значит актуальным становится посмотреть на наше прошлое и, активизируя трансгенерационный культурный трансфер (передачу культуры от предков к потомкам), взять те культурные практики, которые могут стать основой новой российской социокультурной парадигмы. Но прежде, чем определить, куда именно будут встраиваться старые практики и какую роль они будут играть, необходимо рассмотреть особенности, в настоящий момент присущие нашей социальной сфере, в частности, сфере социальной помощи.

Современные исследователи (И. В. Малюфеев, П. А. Келлер и др.) констатируют завершение институализации системы социальной помощи, отмечая, что несущая основа этого нового социального института – «социальные услуги» [6]. В то же время, поскольку из социальных институтов институт социального обслуживания населения является одним из самых молодых, то актуальным с точки зрения как науки, так и практической деятельности становится исследование особенностей функционирования этого института, с уточнением тонкостей этого процесса, с детализацией всех входящих в него модусов. При этом максимально продуктивные исследования в данной области имеют междисциплинарный характер.

Еще один подход предлагает Э. Гидденс, который считает важным аспектом, характеризующим как сферу социальных услуг, так и в целом социальные системы, тот факт, что организующим моментом здесь выступает именно получаемый индивидом опыт, проживаемый по-разному в зависимости от того, как именно на него оказывается воздействие со стороны членов той или иной социальной группы в том или ином социальном пространстве. В то же время Э. Гидденс подчеркивает, что эти воздействия на индивида не происходят спонтанно, они организованы по определенным правилам и опираются на системные ресурсы.

Изучение различных теоретических подходов к анализу социальной сферы дает возможность сформировать концептуальную базу для дальнейшего разворачивания научных направлений, осмысляющих сферу социальных услуг. Подводя промежуточный итог, можно

утверждать, что социальные услуги являются составной частью всей структуры, охватывающей социальную сферу, при этом они обладают всеми признаками и характеристиками социального института, которые также имеют нормативно-правовое закрепление.

Исследователь социальных услуг И. В. Малюфеев, проводя различия между ними и материальными товарами, отмечает такую специфику: данная услуга относится к классу невещественных, т. е. предоставляемая социальная услуга в большинстве случаев носит нематериальный характер [7].

Изучая научные исследования такого социального института, как социальное обслуживание, мы обнаруживаем, что авторы концентрируются на различных модусах, входящих в эту сферу. В частности, П. Д. Павленок во главу угла своих научных исследований ставит социальную работу, указывая на то, что она выступает как системная составляющая социального сервиса. Причем, рассматривая социальную работу в целом, этот автор подчеркивает ее как универсальный, так и комплексный характер, а также многомерность направлений, которые она охватывает: это и социальная защита нуждающихся, и поддержка в ситуации, когда индивид внезапно оказался социально не защищен, и помощь определенным категориям граждан, и оказание образовательной услуги (эти услуги также не относятся к одной области, а охватывают социально-бытовые нужды человека – психологические, медицинские, правовые и т. п.) [9].

Акцентирование при анализе на том, что собой представляет социальная услуга как вид деятельности, открывает новое направление научного исследования данной сферы, а именно – через рассмотрение того, какую именно потребность она удовлетворяет у клиента социальных служб.

Такой подход переключается с установками, отображенными в российских нормативно-правовых документах, где потребности осмысляются в контексте того, что у индивида существует недостаток чего-либо, необходимого ему, следовательно, он в этом нуждается. В то же время необходимо отметить, что сам термин *нуждаться* и стоящие за ним смыслы четко не прописаны в законодательных актах

Российской Федерации и порой трактуется с позиции индивидуального подхода, когда представитель социальной службы субъективно рассматривает каждый случай. Безусловно, эта трактовка не строится на пустом месте, в целом общее направление определению смыслов, стоящих за термином нужда, представлено в нормативно-правовых документах РФ: это «экономическая ограниченность, состояние бедности и нужды», а критерием для сравнения выступает прожиточный минимум [16].

Можно также заметить, если исследовать нормативные акты, определяющие деятельность специалиста по социальной работе, то они оперируют обычно термином *нуждаться*, а не термином *потребность*. Даже сама потребность определяется через *нужду* (т. е. то, что человек, испытывает потребность, свидетельствует, что у него существует нужда в чем-либо, и это состояние побуждает его обращаться в органы социального обслуживания для получения соответствующей, конкретной услуги, удовлетворяющей эту его потребность, значимую для поддержания жизнедеятельности).

В целом же, анализируя характер услуг, предоставляемых сферой социального обслуживания, можно констатировать, что они направлены на удовлетворение потребностей как индивида, так и отдельных социальных групп (общностей).

Существуют различные основания для классификации услуг. Это имеет вполне рациональное научное объяснение, так как в понятие *социальные услуги* включен широкий спектр разнообразных видов помощи нуждающейся части населения, и, кроме того, быстрые темпы социального развития приводят к появлению все новых услуг, а также к расширению целевой аудитории их потребителей, включению в эту аудиторию все новых акторов. Большинство же авторов, рассматривая службу социальных услуг как часть структуры социального обслуживания населения, указывают, что основная роль данной службы связана именно с удовлетворением потребностей человека, позволяющим ему при этом поддерживать социально нормативный уровень жизни.

Определение основных субъектов и объектов, образующих систему взаимодействия при

оказании социальных услуг, позволяет выявить три составляющие – во-первых, это получатели услуг, во-вторых, это специалисты учреждений социального обслуживания, осуществляющие эти услуги, и, в-третьих, это социальная среда – как та, в которой происходит взаимодействие (среда социального учреждения), так и та, в которой находится клиент (среда его проживания).

Следующий подход к классификации системы социальной помощи населению связан с характеристиками безопасности – т. е. исключаются факторы, представляющие опасность для здоровья или даже жизни человека, а также оказываются услуги, способствующие предотвращению или полному исключению такой опасности из сферы жизни человека (например, выход из черты бедности и т. д.).

Еще одно направление осмысления особенностей социальных услуг предлагает К. М. Мкртчян, подчеркивающий их значимость в контексте задач повышения качества жизни граждан в целом [8]. В то же время, изучая недостатки в области социальных услуг, он отмечает отсутствие четкой их дифференциации, что не дает возможность оптимизировать вектор их продуктивного развития.

При анализе изложенной выше информации обращает на себя внимание факт фиксации исключительно на материальной составляющей. Безусловно такая составляющая необходима, однако наши культурные ценности – это ценности коллективизма, соответственно, нужно организовывать и возрождать гармоничные данной ценностной направленности формы социального взаимодействия. Если обратиться к российскому прошлому, то традиции помощи ближнему у нас имеют глубокие исторические корни, восходя к общинному укладу и проявляясь в конкретных формах безвозмездной помощи нуждающимся в ней. Практиковались они в большинстве губерний дореволюционной России (помочи, толоки, складчина, супруга и др.). После 1917 г. значительная часть этих традиций безвозмездной помощи была прервана, хотя советское государство продолжало культивировать ростки такой помощи в виде коллективных и личных инициатив (например, очень распространенные кассы взаимопомощи на предприятиях и в различного рода организациях); также

безвозмездный труд практиковался на субботниках, причем устраиваемых не только на предприятиях, но и в жилых домах для благоустройства дворов. Однако полномасштабно ресурс коллективизма с его нацеленностью на дружеское взаимодействие и взаимопомощь, с активной заинтересованностью ближним, вниманием к его нуждам и проблемам – этот ресурс не просто не использовался, а долгое время вытеснялся установкой на активизацию индивидуализма, чему способствовала и цифровизация с заменой реальных связей виртуальными [11; 14]. Однако именно опора на ценности товарищества, взаимовыручки, чувство общности, т. е. обеспечение культурного трансфера вытесняемых вестернизацией наших, российских ценностей, и способна обеспечить повышение качества жизни граждан – как тех, кто принимает помощь, так и тех, кто ее оказывает.

При этом необходима именно интеграция культурных практик в социальную сферу, дополнение современной тенденции на удовлетворение материальных потребностей в сфере социальной помощи теми наработками в области культурных практик, которые имеют российские исторические корни и основаны на наших ценностях.

Одной из таких практик в качестве нового направления деятельности специалиста по социальной работе видится создание культурно-территориальных сообществ. Данное направление, в отличие от стандартных практик, происходит не по вектору «специалисты учреждений социального обслуживания – получатели услуг», воздействие в большей степени направлено на организацию новой социальной среды. При этом расширяется профиль решаемых специалистом по социальной работе задач. По всей России растет число районов, где отмечается постоянный рост среднего возраста, молодые люди уезжают из дома ради учебы и работы и никогда не возвращаются. Утечка мозгов приводит к негативным последствиям. Во многих из этих регионов остаются те, кому не удалось покинуть «тонущий корабль»: пожилые люди, менее образованные, безработные, люди с низким уровнем дохода или те, кто соглашается на очень долгие поездки на работу или в школу. Чтобы реанимировать такие районы/населен-

ные пункты, необходимо реализовывать там проекты, направленные на обновление процессов построения сообщества. Сообщество – это группа людей, разделяющих общие ценности, цели, практики, интересы, идеи и работающих вместе над созданием и развитием активной, основанной на участии и осведомленной среды, уважая различные ценности и точки зрения.

Активизация такой формы социального взаимодействия особенно актуальна сегодня: для современных сообществ в большей степени характерны виртуальные отношения, потребность в надежных источниках новой информации, глубокий и содержательный контакт с общими ценностями и убеждениями. Социальные сообщества не только удовлетворяют глубинные психологические потребности в безопасности, комфорте и общности, они также являются эффективным инструментом для достижения образовательных и социальных целей. Участие в таком сообществе означает реальное включение участников в творческие организационные процессы, открытие даже организационных структур для волонтеров и членов сообщества. Основная модель этих территориально-культурных практик сконцентрирована в трех основных вопросах, определяющих все виды деятельности:

В каком обществе мы хотим жить?

Что нам нужно для этого?

Что мы можем сделать, чтобы начать процесс?

Очевидно, что в такого рода работе местное или региональное сообщество должно выстраиваться с опорой на историю местности, ее традиции, неповторимый колорит. Например, организация деревни вокруг исторического театрального проекта, разделяющего поколения, может привести к процессам построения сообщества, если и молодые, и старые участвуют в рассказывании историй, дизайне костюмов, строительстве сцены, музыке, актерском мастерстве, продаже билетов, выпечке тортов, организации кафе и решении всех других задач, связанных с таким производством. Фактически на протяжении веков это был обычный способ организации культурных мероприятий в деревнях, небольших городках. Во все времена и во всем мире построение крупных сообществ

всегда происходило из меньших, более или менее самодостаточных сообществ. Участие развивалось и укреплялось за счет культурных процессов и организации традиционных сезонных фестивалей. С индустриализацией и усилением зависимости небольших населенных пунктов от обезличенных рабочих мест в промышленных городах эти возможности исчезли или перестали цениться. Культурное предложение творческих классов с их музеями, художественными мероприятиями и культурными фестивалями привело к обесцениванию той деятельности по построению сообщества, которая центрировала раньше все вышеперечисленные элементы.

Но во времена трансформации недостаточно поддерживать повторное внедрение старых культурных форматов, не принимая во внимание новые вызовы. Простое возвращение к самоутверждающейся и прославляющей прошлое деятельности ведет в неверном направлении. Творчество свелось бы в этом случае к простому повторению форматов, не имеющих ничего общего с вызовами современности. Суть в том, что не так просто заново создавать проекты по организации сообщества, связанные с реальными социальными проблемами. В этом – особенность трансгенерационного культурного трансфера, его отличие от культурной динамики. Если культурная динамика – это непрерывное, упорядоченное изменение внутри культуры (в том числе и в результате взаимодействия с другими культурами), то *при трансгенерационном культурном трансфере происходит специально организованная деятельность по творческому преобразению ушедших в прошлое и не воспроизводимых самостоятельно в культуре традиционных практик, при этом целью такой деятельности выступает не само воспроизводство этих практик, а организация в процессе совместной работы социального объединения – территориально-культурного сообщества.*

Таким образом, в настоящий момент ответом на вызовы современности является активизация трансгенерационного культурного трансфера, организация которого с опорой на традиционные коллективистские ценности России способна выступить социокультурным

интегратором, объединяющим различные социальные слои в единое, развернутое друг к другу территориально-культурное сообщество.

1. Большаков, В. П. Культурные практики и индустрии: история и современность / В. П. Большаков, О. В. Лазарева, Т. Ф. Ляпкина. – Москва : РГ-Пресс, 2021. – 320 с.
2. Дементьев, И. О. Международная конференция «Контакты и культурный трансфер в историческом регионе Восточной Пруссии (1700–2000)» / И. О. Дементьев // Вестник Балтийского Федерального университета им. Канта. – 2013. – № 12. – С. 158–161.
3. Иконникова, С. Н. Российская культурология в новой парадигме модернизации / С. Н. Иконникова, И. В. Леонов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – № 4 (37). – С. 6–10.
4. Лагутина, И. Н. Россия и Германия на перекрестке культур: культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII – первой трети XX века / И. Н. Лагутина. – Москва : Наука, 2008. – 342 с.
5. Лобачёва, Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий / Д. В. Лобачёва // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 8 (98). – С. 23–27.
6. Малофеев, И. В. Социальные услуги: сущность и принципы / И. В. Малофеев, П. А. Келлер // Фундаментальные аспекты психического здоровья. – 2017. – № 2. – С. 55–61.
7. Малофеев, И. В. Социальные услуги в системе социального обслуживания населения / И. В. Малофеев. – Москва : Дашков и К, 2023. – 172 с.
8. Мкртчян, К. М. Социальные услуги как фактор повышения качества жизни населения : автореф. дис. ... канд. экон. наук / К. М. Мкртчян. – Санкт-Петербург, 2007.
9. Павленок, П. Д. Методология и теория социальной работы / П. Д. Павленок. – Москва : Инфра-М, 2020. – 271 с.
10. Пелипенко, А. А. Заметки о российской цивилизации / А. А. Пелипенко //

- Вопросы культурологии. – 2021. – № 2. – С. 94–113.
11. Строков, А. А. Социальные проявления цифровой культуры / А. А. Строков // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 46–52.
 12. Сукина, Л. Б. «Вестернизация» русской культуры второй половины XVII в. в свете теории культурного трансфера / Л. Б. Сукина // История : электрон. науч.-образоват. журн. – 2016. – № 10 (54). – С. 10.
 13. Томберг, О. В. Диалогизм и культурный трансфер в древнеанглийской поэтической традиции / О. В. Томберг // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 3 (39). – С. 70–78.
 14. Шилина, Н. А. Социокультурные риски и духовная люмпенизация российского общества / Н. А. Шилина, Н. Ю. Беликова, А. Г. Лугинина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 12-1. – С. 110–113.
 15. Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 816 с.
 16. Янгирова, Е. И. Совершенствование методики расчета индекса человеческого развития / Е. И. Янгирова, М. Р. Искаков // Экономика и управление. – 2020. – № 6 (156). – С. 15–20.
 17. Jobim J. L. 2009. Literary and cultural transfers and exchanges: from the national to transnational blocks. Transnational lecture series. Manchester. 19 p.
 18. Melinte I. E. 2012. Cultural transfer and the cross-cultural impact of foreign languages. International Journal of Communication Research. Vol. 2. No 1.

Получено 01.03.2023

Maria V. Sozinova

Candidate of Pedagogic Sciences, Docent

St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

E-mail: mari-sozinova@yandex.ru

Alla A. Melnikova

Doctor of Culturology, Professor

St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

E-mail: 88alla88@mail.ru

Anna A. Dmitrieva

Doctor of Art Criticism, Docent

St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

E-mail: annadmi@mail.ru

Anna V. Uspenskaya

Doctor of Philological Sciences, Professor

St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

E-mail: uspenskaja@rambler.ru

Cultural Transfer in the Social Sphere: Russian Specific Character

Abstract. At the moment, our country is in a specific situation: the long-standing course of integrating various Russian socio-cultural institutions into the corresponding Western systems, aligning their work with Western norms and standards, is now being questioned. Such a turn actualizes the search for our own path, our own ideas and solutions, for which our own cultural and historical practices will become a logical support. Accordingly, this situation draws researchers to the topic of cultural transfer – and not in its classical form, in which elements of one culture are transferred to another, in its trans-generative form, in which transmission from ancestors to descendants occurs. At the same time, it is necessary to first consider those features that are currently inherent in our social sphere, in particular, the sphere of social assistance, identify problem areas, and then determine the direction of the cultural transfer of practices. As such a direction, the article proposes activities for the organization of territorial and cultural communities.

Keywords: cultural transfer, transgenerational cultural transfer, social sphere, traditions of Russian culture, cultural resources, territorial and cultural communities

For citing: Sozinova M. V., Melnikova A. A., Dmitrieva A. A., Uspenskaya A. V. 2023. Cultural Transfer in the Social Sphere: Russian Specific Character. *Culture and Arts Herald*. No 1 (73): 54–61.

References

1. Bolshakov V. P., Lazareva O. V., Liapkina T. F. 2021. Kul'turnye praktiki i industrii: istoriya i sovremennost' [Cultural Practices and Industries: Past and Present]. Moscow: RG-Press. 320 p. (In Russ.).
2. Dementev I. O. 2013. International conference "Contacts and cultural transfer in the historical region of East Prussia (1700–2000)". *Vestnik Baltiyskogo Federal'nogo universiteta im. Kanta [Bulletin of the Baltic Federal University named after Kant]*. No 12: 158–161. (In Russ.).
3. Ikonnikova S. N., Leonov I. V. 2018. Russian cultural studies in the new paradigm of modernization. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. No 4 (37): 6–10. (In Russ.).
4. Lagutina I. N. 2008. Rossiya i Germaniya na perekrestke kul'tur: kul'turnyy transfer v sisteme russko-nemetskiykh literaturnykh vzaimodeystviy kontsa XVIII – pervoy trety XX veka [Russia and Germany at the Crossroads of Cultures: Cultural Transfer in the System of Russian-German Literary Interactions of the Late 18th – First Third of the 20th Century]. Moscow: Nauka. 342 p. (In Russ.).
5. Lobacheva D. V. 2010. Cultural transfer: definition, structure, role in the system of literary interactions. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. Iss. 8 (98): 23–27. (In Russ.).
6. Malofeev I. V., Keller P. A. 2017. Social services: essence and principles. *Fundamental'nye aspekty psikhicheskogo zdorov'ya [Fundamental aspects of mental health]*. No 2: 55–61. (In Russ.).
7. Malofeev I. V. 2023. Sotsial'nye uslugi v sisteme sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya [Social services in the system of social services for the population]. Moscow: Dashkov i K. 172 p. (In Russ.).
8. Mkrtchian K. M. 2007. Sotsial'nye uslugi kak faktor povysheniya kachestva zhizni naseleniya [Social services as a factor in improving the quality of life of the population]. St. Petersburg. (In Russ.).
9. Pavlenok P. D. 2020. Metodologiya i teoriya sotsial'noy raboty [Methodology and theory of social work]. Moscow: Infra-M. 271 p. (In Russ.).
10. Pelipenko A. A. 2021. Notes on Russian Civilization. *Voprosy kul'turologii [Issues of Cultural Studies]*. No 2: 94–113. (In Russ.).
11. Stokov A. A. 2020. Social manifestations of digital culture. *Gumanitarnyy vector [Humanitarian Vector]*. Vol. 15. No 4: 46–52. (In Russ.).
12. Sukina L. B. 2016. "Westernization" of Russian culture in the second half of the 17th cent. in the light of the theory of cultural transfer. *Istoriya [History]*. No 10 (54): 10. (In Russ.).
13. Tomberg O. V. 2020. Dialogism and cultural transfer in the Old English poetic tradition. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. No 3 (39): 70–78. (In Russ.).
14. Shilina N. A., Belikova N. IU., Luginina A. G. 2021. Sociocultural risks and spiritual lumpenization of Russian society. *Humanities, social-economic and social sciences*. No 12-1: 110–113. (In Russ.).
15. Espan M. 2018. Istoriya tsivilizatsiy kak kul'turnyy transfer [The history of civilizations as a cultural transfer]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 816 p. (In Russ.).
16. Iangirova E. I., Iskakov M. R. 2020. Improving the methodology for calculating the human development index. *Ekonomika i upravlenie [Economics and management]*. No 6 (156): 15–20. (In Russ.).
17. Jobim J. L. 2009. Literary and cultural transfers and exchanges: from the national to transnational blocks. *Transnational lecture series*. Manchester. 19 p. (In Engl.).
18. Melinte I. E. 2012. Cultural transfer and the cross-cultural impact of foreign languages. *International Journal of Communication Research*. Vol. 2. No 1. (In Engl.).

Received 01.03.2023